

Елена **РЫБИНА**,
доктор исторических наук

ОТ СВАТОВСТВА ДО СВАДЬБЫ

Свидетельства берестяных грамот

Частная жизнь средневековых новгородцев долгое время не привлекала внимание исследователей из-за недостатка источников. В научной литературе эта тема раскрывается главным образом по свидетельствам традиционных письменных источников, церковных книг и фольклора. Постепенно с увеличением фонда берестяных грамот появились тексты, свидетельствующие не только о деловых заботах новгородцев, но и об их личной жизни. Конечно, берестяные грамоты не могут служить полноценным источником при исследовании всех этапов семейной жизни, однако в них содержатся живые детали, иллюстрирующие процесс создания семьи и семейные отношения.

Взаимоотношения молодых людей, готовящихся к браку, в берестяной переписке практически не зафиксированы. Сохранилось лишь два письма, авторами которых, судя по содержанию, являются молодые девушки, выясняющие отношения со своими возлюбленными. Сенсационной находкой 1993 года стала грамота № 752, обнаруженная в слое рубежа XI–XII веков. Несмотря на значительные утраты в тексте, характер его содержания очевиден. Вот как звучит письмо в переводе: «[Я посылала] к тебе трижды. Что за зло ты против меня имеешь, что в эту неделю [или: в это воскресенье] ты ко мне не приходил? А я к тебе относилась как к брату! Неужели я тебя задела тем, что посылала [к тебе]? А тебе, я вижу, не любо. Если бы тебе было любо, то ты бы вырвался изпод [людских] глаз и примчался ... теперь где-нибудь в другом месте. Отпиши же мне про... Если даже я тебя по своему неразумию задела, и если ты начнёшь надо мною насмехаться, то судит [тебя] Бог и моя худость, [то есть я]». Это единственное любовное послание в составе берестяных грамот. Оно написано очень эмоционально, в нём ощущается острое чувство обиды девушки, которая трижды писала молодому человеку и не получала от него ответа. Одновременно в письме продемонстрировано чувство достоинства и оскорблённой гордости, ярко выраженные в заключительной

фразе письма. По силе выраженных эмоций, непосредственности чувств это любовное послание конца XI века сопоставимо с письмом Татьяны к Онегину.

Возможно, приглашением на свидание является грамота № 566, которая хронологически и территориально близка письму 752. Вот её короткий текст: «Будь в субботу ко ржи или подай весть».

Завершу этот короткий пассаж о средневековых влюблённых сохранившимся отрывком любовного заговора, призванного привлечь внимание избранника или избранницы: «...так пусть разгорится сердце твоё и тело твоё, и душа твоя ко мне и к телу моему, и к виду моему». Эта запись сделана на большом берестяном листе (грамота № 521 второй половины XIV — первой половины XV века), в разных частях которого имеются написанные одним почерком четыре отдельных текста; три из них имеют сугубо деловой характер. Замечу при этом, что сама грамота № 521 служила лишь своеобразной обёрткой для грамот № 519 и 520, содержащих длинный и подробный текст завещания.

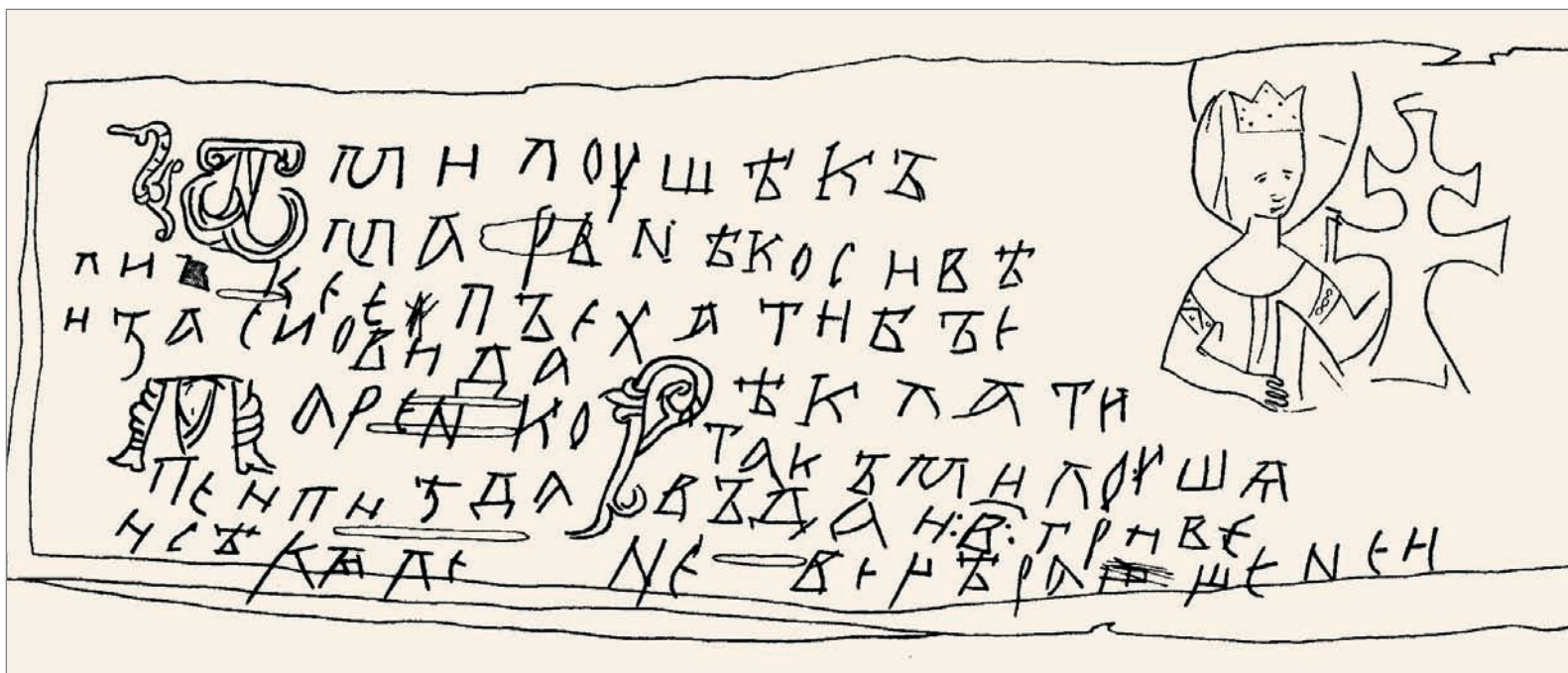
Ближе к нашей теме создания семьи письмо № 748 (XII века), автором которого, очевидно, была девушка. К сожалению, эта грамота имеет большие утраты, и поэтому полностью её содержание не восстанавливается. Однако сохранившийся в четырёх строчках текст всё же поддаётся истолкованию. Автор письма, видимо, невеста, непосредственно обращается к своему жениху и рассказывает ему о сложившейся в её семье ситуации. По сохранившимся фразам, кажется, что в семье возник конфликт в связи с её предстоящим замужеством, и в конце концов девушка готова согласиться с решением отца: «а за кого меня отец отдаст...». К сожалению, дальше текст оборван. Как считает А. А. Зализняка, возможно два варианта последней фразы: «не знаю» или «за того и пойду».

Самым важным из предсвадебных обрядов, несомненно, было сватовство, институт которого был широко развит на Руси. Процедура сватовства состояла из переговоров и переписки между сторонами будущей невесты и будущего жениха.

В традиционных письменных источниках первые упоминания о сватовстве появляются в XII веке. К этому же столетию относятся грамоты № 731 и 955, посвящённые теме сватовства. Обе грамоты сохранились целиком, однако первая собиралась из отдельных обрывков в течение двух дней. Кропотливый труд по сбору фрагментов грамоты № 731 был вознаграждён сторицей, хотя прочитанный текст не сразу удалось расшифровать. Много ли читатель поймёт в этой грамоте, если не перевести её на современный русский язык? Судите сами (древнерусский текст даётся с разделением на слова и в упрощённой орфографии): «Покланяние от Яноке со Селятою ко Ярине. Хочеть ти твоего дятя-тиць. О свято же ти её хоце. Ажь хоцеша во броне же седе буди и яла есмо ся ему по руку яко ты си молвила ему, ты дни придеша томо дни поиму. И не ли тамо повоица. А креша присоли. А кодь ти мне хлеб, ту и тебе».

После некоторого замешательства текст был разделён на слова и спустя день после мощной историко-лингвистической мозговой атаки был переведён на современный язык. Трудности перевода и общей интерпретации текста заключались в том, что в грамоте встречаются слова и словосочетания, которые до сих пор не были засвидетельствованы ни в каком ином источнике. В конце концов общими усилиями Зализняка, В. Л. Янина и А. А. Гиппиуса все языковые и смысловые трудности были преодолены. Вот перевод: «Поклон от Янки с Селятой к Ярине. Хочет-таки дитище твоего (то есть того, что ты имеешь, что ты предлагаешь). К празднику её хочет. Пожалуйста, срочно будь здесь. А я обещала ему своё согласие (на то, чтобы было), как ты сказала ему давеча: «Придёшь — в тот же день сосватаю». А если у тебя там нет повойничка, то купи и пришли. А где мне хлеб, там и тебе».

Я так подробно рассказала о расшифровке этой грамоты потому, что её содержание оказалось уникальным. До находки данного письма не было ни одного берестяного документа, связанного со сватовством. Авторы письма Янка и Селята, судя по дальнейшему тексту, мать и

Грамота № 955.

отец, обращаются к Ярине, которая явно была свахой. Обращу внимание читателей на тот факт, что кроме адресной формулы (Янка с Селятою) весь дальнейший текст письма написан от лица матери, что даёт основание предполагать её ведущую роль в переговорах. Янка сообщает свахе Ярине, что она и её муж Селята согласны женить сына на той девушке, которую предложила сыну сваха. Удивительно, что сын даже не назван по имени, вместо него употреблено обобщённое понятие — «детище». Далее Янка просит сваху прислать повойник, а если его у свахи нет, то купить его и прислать. Повойник — женский головной убор, который был непременной принадлежностью свахи, что отмечено в народных поговорках: «Сваха на свадьбу спешила, рубаху на мутовке сушила, повойник на пороге катала». Как отмечают исследователи, повойник мог являться также своеобразным даром невесте от будущей свекрови, что зафиксировано в некоторых регионах России. В тот момент, когда невеста входила в дом жениха, его мать дарила ей повойник. Очевидно, именно для этой цели Янка и просит сваху прислать ей повойник. В конце письма она обещает свахе вознаграждение образным выражением: «А где мне хлеб, там и тебе».

Совсем иные обычаи отмечены в грамоте № 955, которая является единственным в своём роде документом во всей коллекции берестяных грамот. Текст письма написан только в левой части аккуратно обрешанного листа бересты. Справа от текста имеются слабо прочерченные изображения поясной женской фигуры (возможно, какой-то святой) и шестиконечного креста, которые автор старательно обходил, ис-

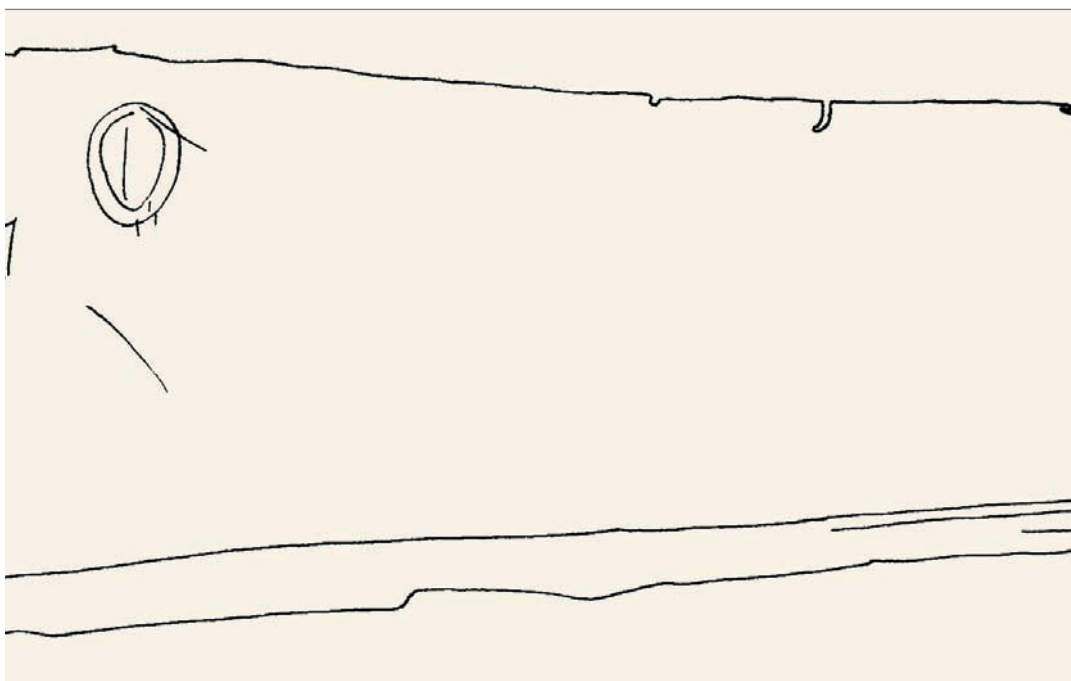
пользуя для письма только свободное пространство. По смыслу текст послания разделён на три части заглавными буквами, которые характерны для книжного письма, а в берестяной переписке обнаружались впервые. Также как и в предыдущем случае, осмысление текста этой грамоты давалось с трудом, особенно две первые её части. После проведённого Зализняком лингвистического анализа текста стало очевидно, что речь в грамоте идёт о свадьбе и свадебных обрядах: «От Милуши к Марене. Большой Косе — пойти бы ей замуж за Сновида. Маренка! Пусть же напьётся [набукнет] рождающее лоно! Говорит тебе Милуша: дай две гривны вчерашние».

Автор письма Милуша, вероятно, сваха. Она обращается к Марене, которая хорошо известна по другим грамотам как женщина из привилегированного сословия, со словами, что «Косе великой» следует выйти замуж за Сновида. Непонятно, кем является по отношению к невесте Марена, матерью, тёткой или другой родственницей. Скорее всего матерью, потому что, как это отмечено на примере предыдущей грамоты, именно мать была главной во время переговоров со свахой. Во второй части грамоты в предельно лаконичной форме содержится магическая формула, призванная способствовать продолжению рода. В заключении Милуша напоминает Марене о двух гривнах, которые она должна получить, очевидно, за сватовство.

Большой интерес для темы заключения брака представляет грамота № 377 (последняя треть XIII века): «От Микиты к Анне. Пойди за меня — я тебя хочу,

а ты меня; а на то свидетель Игнат Моисеев...». Долгие годы эта грамота было единственным в берестяной переписке свидетельством выражения любовных чувств средневековых новгородцев. По существу она является брачным предложением, которое делает её автор Микита Анне. При этом Микита уверен в согласии своей избранницы: «пойди за меня — я тебя хочу, а ты меня». По разъяснению Зализняка, слово хотеть в данном контексте (как и в грамоте № 731) имеет специальное значение и означает согласие. Самое удивительное в этой грамоте то, что Микита напрямую обращается к самой невесте, а не к её родителям. Приходится только гадать о причинах такого поступка. Казалось бы опрокидываются все наши представления о положении женщины в средневековом обществе, о степени её социальной и личной зависимости сначала от родителей, затем от мужа. Вместе с тем многие берестяные письма (в частности, женские завещания) демонстрируют достаточно высокую степень свободы женщин в средневековом Новгороде. Разумеется, речь идёт о женщинах из привилегированного сословия.

Наконец, дело доходит до свадьбы — существуют две грамоты, где речь идёт об её организации. Автор частично сохранившегося письма № 672 (вторая половина XII века) сообщает, что Аркадий и другой человек велели без них устраивать свадьбу, но автор письма настаивает этого не делать, а ждать Аркадия: «...и Оркад [Аркадий] велели без них устраивать свадьбу. [Но ты] не выдавай [без него]. И сообщи также, сколько денег досталось [молодожёнам?] у Твердяты». Этот, на первый взгляд, не примечательный текст на самом деле содержит интересную ин-

формацию. Во-первых, вряд ли довольно редкое в XII веке христианское имя Аркадий могло принадлежать простому горожанину. Комментируя эту грамоту, Янин высказал обоснованное предположение, что упомянутый в грамоте Аркадий был новгородским епископом как раз в то время, к которому относится грамота. Значит, речь шла не просто о его присутствии на свадьбе, а о том, что Аркадий должен был венчать молодых. В таком случае речь идёт о свадьбе детей влиятельных и состоятельных родителей. Замечу, что грамота № 672 происходит из раскопок Людина конца (Троицкий раскоп). На этом же участке в течение нескольких лет исследовалась усадьба Е, где в слоях XII века было обнаружено значительное число грамот, связанных с именами Петрока (19) и Якши (4). Эти персонажи надёжно отождествляются с известными по летописи боярином Петром Михалковичем и посадником Якуном Мирославичем, заседавшими в «сместном» суде, при этом первый из них был представителем княжеской администрации¹. Комплексный анализ грамот, связанных с именем Петра, сооружений и вещевой коллекции свидетельствует о том, что, очевидно, Пётр Михалкович (Петрок) и был владельцем усадьбы Е в середине-второй половине XII века. Известно, что в 1155 году он выдал свою дочь замуж за Мстислава Гюргевича, сына Юрия Долгорукого². Не исключено, что именно об этой свадьбе и идёт речь в грамоте № 672.

Самым важным действием в свадебном обряде был свадебный пир, проведение которого было непременным условием признания новой семьи в обществе. По обычаю организацией и проведением пира не могли заниматься родители жениха

и невесты. Яркой иллюстрацией этого порядка служит найденная в Старой Руссе грамота № 40 (вторая половина XIV века): «Поклон от Оксиньи и Онании Родивону и сестре моей Татьяне. Поезжайте в город к этому воскресенью: мне выдавать дочь, а сестре моей быть распорядительницей. А я господину своему Родивону и сестре моей челом бью». Точно также, как в грамоте № 731, и здесь основной текст послания написан в единственном числе от лица матери, а отец назван только в адресной формуле: «Поклон от Оксиньи и Ананьи». Коль скоро грамота найдена в Старой Руссе, а её авторы приглашают своих адресатов в город, следовательно они живут в Новгороде, который в берестяной переписке всегда обозначался просто как город. Оксинья сообщает своей сестре Татьяне и её мужу, что выдаёт дочь замуж, а сестре предстоит на свадьбе быть распорядительницей, буквально в грамоте сказано: «а сестри моеи приравнивать».

Рассмотренные грамоты, несмотря на их малочисленность, фиксируют практически все этапы образования семьи и содержат конкретные живые примеры из жизни горожан, касающиеся знакомства молодых людей, их чувств, сватовства и женитьбы. Семейные отношения между супругами также нашли отражение в берестяной переписке; почти в 30 грамотах XII–XV столетий встречаются или угадываются по смыслу термины «муж» и «жена». В этих письмах находят место проявления заботы о супругах, просьбы о помощи, участие жены в делах мужа. Из текстов этих документов видно, что жена в отсутствие мужа не только вела домашнее хозяйство, но и на равных занималась

его делами, во всяком случае, была в курсе забот мужа. Борис, автор грамоты № 43 (XIV век), уехав по делам, просит Настасью прислать ему «человека на жеребце», потому что у него много дел, и, видимо, необходима помощь. Настасья — автор письма № 49, из которого следует, что Борис был её мужем. Далее из грамоты № 43 вырисовывается чисто житейская ситуация: Борис просит жену прислать ему забытую сорочку. Из контекста письма № 687 (XIV век), сохранившегося, к сожалению, в обрывке, следует, что оно было написано мужем жене. Разнообразен перечень распоряжений, которые жена должна выполнить. Кроме покупки продуктов и одежды детям тут же говорится, что одного из них нужно отдать учить грамоте. Далее что-то нужно было сделать с лошадьми, но в этом месте текст оказался оторванным. Как видим, в обоих случаях круг поручений для жены был разнообразен.

А вот целиком сохранившаяся грамота № 931 (конец XIV — начало XV века): «Наказ Семёну от жены. Утихомирил бы ты [всех] попросту и ждал бы меня. А я тебе челом бью». Неизвестная нам по имени жена, находясь вдали от дома, призывает мужа утихомирить домочадцев и ждать её. Мы можем только гадать о происходящем, но текст письма, несомненно, свидетельствует о значительной роли этой женщины в семье. Возможно, именно к ней обращено найденное по соседству письмо № 942 (конец XIV века): «Приказ...к жене своей Ульяне. Пойди сюда немедленно».

Имеется немало грамот, свидетельствующих об участии жён в деловых вопросах, в том числе и финансовых. Имеются челобитные XV столетия (например № 307), адресованные одновременно господину и его жене, что, несомненно, свидетельствует об участии жены в управлении хозяйством.

Однако, как и сейчас, не у всех отношения складывались хорошо. В целиком сохранившейся грамоте № 9 (XII век) зафиксирован случай распада семьи. Её автор Гостята жалуется адресату Василию, очевидно, своему родственнику (брату или дяде), что её муж взял себе новую жену, а её (Гостяты) приданое, которое она получила от отца и своих родственников, не отдаёт. Гостята просит приехать и помочь ей в разрешении семейного конфликта.

Стоит надеяться, что число писем на бересте будет увеличиваться, и нас ожидают новые свидетельства частной жизни средневековых новгородцев.

Примечания

1. Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород. 2001. С. 10–15.
2. ПСРЛ. Т. 2. С. 482.